

Мадам Бовари — это не я

Актер театра Романа Виктюка Сергей Виноградов имеет удивительный имидж — человека-загадки, странного и необычного. Известность ему принесло фантастическое исполнение женской роли (Мадам) в шумевшем спектакле «Служанки». Поразив всех чисто женской грацией и выразительностью, он признался тогда: «Мне легко играть женщину».

Недавно Виноградов поразил публику еще раз — выступив теперь уже в качестве режиссера со спектаклем «Коллекционер» по роману Джона Фаулза «Выйдя из-под опеки Романа Виктюка и собрав чисто молодежную команду, он поставил спектакль интенси́вный, легкий, пластичный, сочетающий различные жанры, стили, эпохи.

На премьере произошло то, что, наверно, и составляет счастье режиссера — зрители довольно долго не знали, как реагировать на происходящее на сцене. С одной стороны — перед ними разворачивался сложный, почти трагический сюжет, с несчастьями, пленом и гибелью. В то же время — они едва сдерживали смех, ведь, вопреки всем стереотипам, и злодей, и жертва оказались очень забавными и обаятельными людьми.

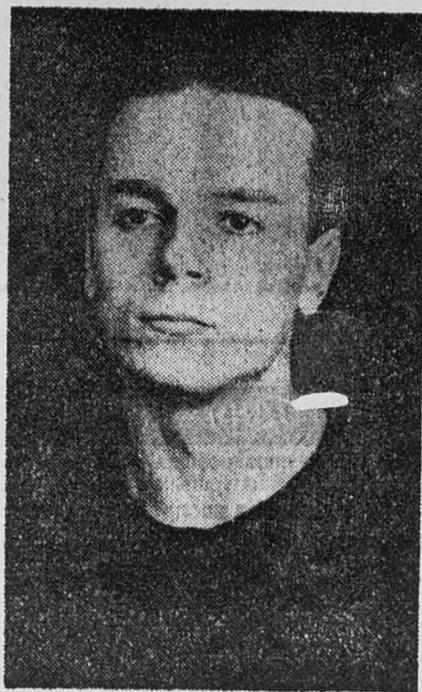
— Вас упрекают в том, что от самого романа Фаулза, жанр которого определен, как «эротический триллер», в спектакле осталось не слишком много.

— Я старался следовать не букве, а духу. Внутренний мир героев — и мужчины, и женщины — настолько кипуч, страшен, что реализация этого мира намного интереснее, чем сам детективный сюжет романа.

Театр сможет выстоять, только если будет использовать то, что присуще ему одному — свою условность и способность изображать мир перереальный, воображаемый, сонный. Роман Фаулза дал мне эту возможность фантазировать. Например, сцена, когда героиня в отчаянии устривает воображаемую вечеринку, уславившая воображаемых гостей, понимая, что в реальности у нее уже не будет такой возможности. Я вылавливал из романа вот такие возможные коды.

— Ситуация вашего спектакля во многом повторяет «Лолиту». Сходство усугубляется и тем, что играют те же актеры (Олег Исаев и Людми-

«У меня роман с этой женщиной, — говорит он о своей героине. — Мы любим и терзаем друг друга».

ла Погорелова), что и в «Лолите» Виктюка.

— Наоборот, мы старались сделать «Анти-Лолиту». Мне кажется, Виктюк увел «Лолиту» в сторону достоинств, в мир невероятных страстей и переживаний, пота, крови, слез. Но ведь Набоков очень не любил Достоевского — он, как и Фаулз, более коллекционер, чем страдалец. Мы и попробовали сделать веселую историю Лолиты, историю не мрачную, а скорее рассказ о странной ситуации.

— Виктюк ревностно относится к тому, что в его театре появился еще один режиссер?

— Безумно! Его можно понять: я как бы его сын, он меня воспитал, и я ему очень благодарен. Но, с другой стороны, дети растут, становятся взрослыми и не хотят просто играть или годами ждать новых ролей. Я счел себя вправе это сделать, потому что не хочу ждать — идут годы... Последний жест Виктюка в мой адрес — то, что он уехал в Италию. Видно, он сделал это специально, чтобы не дергать, не трогать, не давать советов.

— Как вы считаете, вам в чем-то удалось превзойти вашего учителя?

— В том синтезе, которым я владею, в том ощущении времени — может быть. Виктюк же — мастер компоновки. Он собирает команду очень

талантливых художников, балетмейстеров, актеров — и тогда выпускает спектакль.

— Это правда, что Виктюк очень суверен?

— Невероятно! Когда мы выпускали «Баттерфляй», он молился перед портретом Таирова. Он никогда не смотрит поставленное. Первые спектакли ходит за кулисами, что-то шаманит, бормочет. Он говорит, что вступает в контакт с Жаном Жене или с Набоковым — и на самом деле в это верит.

— Почему, по вашему мнению, вам удалось стать одним из самых модных актеров? Дело в скандальных постановках Виктюка или в таком странном имидже?

— Тут много всего. И, конечно, удача. И Виктюк, который сделал спектакль, ставший событием. Я показывался во многие театры, и везде мне говорили: «Вы довольно странная краска в нашей палитре». Мне не хотелось быть странной краской. Поэтому все сначала сошло на Сатириконе, на «Служанках», а потом на театре Виктюка. Удача, наверно, связана и с тем, что я сумасшедший человек — я готов работать

какими. И еще один компонент — то, что я занимаюсь пластикой. Еще до встречи с Виктюком я научился владеть собственным телом, создавать целые блоки движений. Если бы этого не было — думаю,

не было бы ни этого имиджа, ни ролей.

— Сложно ли было играть Мадам? Мужчине вжиться в образ женщины, тем более такой, наверно, невероятно трудно?

— Я не относился к этому, как к чему-то необычному. Здесь вопрос не в том — играть женскую или мужскую роль — вопрос в ощущении чужой души. Меня постоянно спрашивают: «Флобер сказал: «Мадам Бовари — это я». Могу ли я так сказать про себя?» Нет, скорее у меня роман с этой женщиной. Она приходит во время спектакля и уходит после него. Мы любим друг друга, терзаем друг друга, ссоримся, устраиваем скандалы. Мы привыкли к долгим разлукам, был период, когда мы 1,5 года не встречались: я ушел из Сатирикона. И когда я в первый раз играл Мадам уже в театре Виктюка, я понял, что плачу — оттого, что она вернулась. Это было, как возвращение к любимому человеку.

— После этого спектакля многие сделали вывод, что вы гомосексуалист. Как вы к этому относитесь?

— Абсолютно спокойно. Я не гомосексуалист. Когда ко мне пришли брать интервью представители газеты «Тема», схватившись за клубничку, первое, что я им сказал: «Ребята, вы немножко ошиблись. Я никогда не имел контактов с мужчинами, я этого не понимаю». Более того, я не считаю, что театр Виктюка — впрямую гомосексуален. Скорее он скандальный, эстетский. Хотя, конечно, Виктюк во многом выехал на спектакле М. «Баттерфляй» с его гомосексуальной интригой. Но ведь, говоря об Уайльде, первым делом вспоминают не то, что он был голубой, а то, что это гениальный писатель и поэт. Его пристрастия мало кого волнуют.

— Вы когда-нибудь кому-нибудь завидовали?

— Коллегам — нет. Завидовал гениям в жизни — тем, кому легко живется. Не безработно, а в смысле восприятия жизни. Людям, которые спокойны. Которые научились сживаться с обстоятельствами и получать от жизни удовольствие.

— Мир выдуманный вам ближе, чем мир реальный?

— Если ставить вопрос, что для меня интереснее — искусство или жизнь, то однозначно — искусство. Я стал актером во многом из-за то-

го, что на сцене не перебивают. Сцена, пожалуй, единственное место в мире, где гармония еще может существовать. Тот же Набоков говорил, что «искусство — это божественное соединение маловыразительных частей». Мне интереснее это соединение, чем те маловыразительные частицы, с которыми приходится сталкиваться в жизни. В жизни я чувствую себя достаточно неловко.

Я скорее являюсь коллекционером жизни. У меня есть масса маленьких блокнотиков, куда я записываю те самые частицы, которые затем можно компоновать и делать кино, театр. Я собираю скляночки жизни, «ловлю золотую рыбку в мутной воде». И чтобы получить уверенность в период отчаяния, слабости, я открываю этот блокнот.

— Что вы думаете о себе?

— Я очень странный человек... Самое страшное для меня — остаться наедине с самим собой. В каждой роли я ищу уход от себя, себя жизненного. Я привык спешить. У меня нет комплекса собственного возраста. Мне никто не дает моих 28, дают 19. Но у меня еще есть счет внутренних часов — маятника, который меня подгоняет. Работаю не меньше 14 часов в день — если меньше, то чувствую себя неловко. Отпуск — всегда страшный период моей жизни. Я страшно суверен, борюсь с этим. Хотя, может быть, если бы я не был столь суверен, что-то сложилось бы не так.

Дома я делаю странные вещи, например, стулья. Так, из несуществующих вместе компонентов разных стилей и окраски я сделал «раненый» стул, который радует мой глаз, когда я прихожу домой. Он немного уродлив, зато очень удобен. Сейчас я начал новую серию, которая называется «сонные» стулья.

— Сейчас многие, добившись хотя бы минимальной

известности, считают своим долгом посещать всевозможные тусовки и светские рауты. Вам это не нравится?

— Нет. Я выработал имидж на сцене, но не в жизни — а туда люди приходят с готовыми имиджами: рубаха-парень или эстет, интеллектуал. Я не вижу там искренности в общении, а вижу показуху — дешую игру и манипулирование несделанным. А в жизни игру я не выношу.